

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ

НАТАЛИИ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

БЕДНЫЙ БОБИК

СОЛНЦЕ НА АНТРЕСОЛЯХ

КУДА УЛЕТАЮТ АНГЕЛЫ

ЛАСТОЧКА

МАРИМБА!

МОЙ ЧЕЛОВЕК

НАРИСУЙ МНЕ В НЕБЕ СОЛНЦЕ

ПОХОЖАЯ НА ЧЕЛОВЕКА И УДИВИТЕЛЬНАЯ

СИНДРОМ ОТСУТСТВУЮЩЕГО ЁЖИКА

СТРАСТИ ПО МИТРОФАНУ

ТАНЦУЮЩАЯ НА ВЕТРУ

УЧИЛКА

ЧИСТАЯ РЕЧКА

НАТАЛИЯ
ТЕРЕНТЬЕВА

МОЙ
ЧЕЛОВЕК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

*Все события и персонажи этого романа вымышлены,
любые совпадения случайны*

Иллюстрация на переплете — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия.

Т35 Мой человек. Фокус / Наталия Терентьева. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Зо-
лотые небеса).

ISBN 978-5-17-110570-9

Жизнь идет быстрее, чем нам хотелось бы. Голоса из юности... Они уже еле слышны. Невозможно вернуть ни то время, ни себя молодого, но вдруг встречаешь человека из того далекого времени, когда ярче светили звезды и все было еще впереди, и жизнь как будто начинается сначала.

...Музыка, которую играл Алеша, была нервная, сложная. Я чувствовала, как у него, и у меня, и в пространстве, окружающем нас, что-то рвется, болит, выходит далеко за пределы тебя самого, в огромный мир, заполненный страстями, ненавистью, любовью, мучительной страстью и переворачивающей все твоё существо нежностью.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110570-9

© Н. Терентьева, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мой человек

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Марина Цветаева

— Мам, не скучай! — Мариша поцеловала меня, внимательно посмотрела в глаза, чтобы убедиться, что я не буду скучать и грустить, и, забросив рюкзак за спину, ушла, твердой походкой, прочно упираясь ногами в землю, по которой она ходит уже восемнадцать лет, благодаря мне и тому человеку, к которому она сейчас шла на юбилей.

В рюкзаке у моей дочки были немнущееся платье в пол и туфли на высоких каблуках, которые покупались для школьного выпускного вечера. С большим трудом мне удалось доказать ей, что на такое мероприятие, как пятидесятилетие родного отца, не стоит идти в джинсах и свитере с висящими нитками и дырками. Выпускное — скромное, воздушное, бледно-розовое, до колен — тоже не подошло. Попросили прийти в длинном, яшила

его неделю, по самому лучшему образцу и чуть-чуть добавив от себя фантазии. Я хорошо шью.

Я посмотрела, как уходит моя дочь, еще немного постояла в нерешительности, потому что так и не решила, куда мне пойти. Никто не знает, зачем я вызвалась провожать Маришу на юбилей. Она уже не ребенок, везде ездит сама, меня вроде не звали... Но я решила — посмотрим, поеду, а там решим...

Я шла по улице, размышляя о том, почему все получается не совсем так или вовсе не так, как ты предполагал. Например, я абсолютна равнодушна к политике, стараюсь не вдаваться в быстро меняющиеся реалии сегодняшнего дня. А моя дочь вдруг в конце одиннадцатого класса резко и внезапно полевела и теперь со всей энергией молодости пытается выказать свое презрение к душному миру буржуазии.

Выливается это подчас в крайние формы. Я не лезу, не считаю себя уже вправе говорить «Нет!» — ведь она не делает ничего плохого, просто ищет свой путь. И поэтому, то напрочь отказывается от косметики, то не хочет носить нарядную одежду, то принципиально отрицает любые формы классового чванства — дорогие магазины, бутики, спортклубы. Подчас даже название может ее остановить от необходимой и вполне доступной покупки.

— Ах, «дворянский заварной»? До свидания! Всех дворян проводили на отдых в семнадцатом году! — громко может объявить Мариша в магазине.

Я не стесняюсь, просто удивляюсь и немножко отхожу в сторону. Ведь умный родитель с некоторых пор должен отходить в сторону. Вот как сейчас я. Проводила — и ушла. Никто не знает, как мне сейчас — приятно или не очень, одиноко или весело... Взрослая дочь ушла на юбилей к моему бывшему мужу. Что тут плохого, женщина? Отчего вы так грустны? Я подмигнула сама себе в витрине. Ничего, прорвемся. Одиночество — это еще не самое страшное, что может случиться с тобой в сорок три года.

А насчет левых настроений моей дочери... Наверное, это естественно в нашей семье. Бедными нас не назовешь. Назовешь скорее благополучными. Но... из низов. Мы на социальном дне, но не в той стороне, где помойка, а в той, где чисто и красиво. Такое место тоже есть. Еще нас назовешь думающими. Мы читаем книжки — я по старинке, Мариша обучена мною с раннего детства. Поэтому мы острословные и с кругозором.

— Куда успели ваши успешные? — только что, выйдя из метро, вступила моя дочь в диалог с уличной рекламой, где популярный артист показывает идеальные керамические зубы и предлагает что-

то «для успешных людей». — Успел? Не упали в спешке, затопчут!

Хотя ведь тот человек, на юбилей к которому нам пришлось шить особое платье, — настоящий буржуй. Или буржуа, как больше нравится. Мне не нравится никак. Но я даже рада, что он буржуй, потому что масло на хлебе у моей дочери всегда есть.

Сама же я — романтик с прекрасным московским образованием, тонким пониманием культуры и искусства, — хлеб своей дочке могу намазать маслом не каждый день. У нас так бывает: либо хлеб с натуральным маслом, либо билет на хороший спектакль, либо книга, которую обязали купить в МГУ, куда Мариша с легкостью поступила на «бюджет». И так бы было всегда, если бы я кормила свою дочь одна. Но у нее есть родитель номер два, как говорят теперь белые европейцы, и этот родитель сумел в свое время прыгнуть в стремительно разгоняющийся поезд, увозящий некоторых из соплеменников в прекрасное далеко, где текут молочные реки, а берега, стало быть, кисельные. Или икорные, кто предпочитает морепродукты сладостям.

Маришин родитель, в отличие от многих других, прыгнувших в тот поезд, не воровал, не убивал, не сажал друзей в тюрьму, чтобы одному взять побольше из внезапно открывшегося волшебного ларца. В ларце этом были заводы, дома и паро-

ходы. В девятьсот семнадцатом году их отобрали толпы нищих, голодных и бесправных, а в девяносто первом у откормленных потомков этих нищих снова отобрали, да так умно, что потомки сперва и не поняли, что произошло. Радовались даже.

Маришин папа, образованный и начитанный, поначалу тоже подрастерялся, еще надеялся, что происходящее — странный вираж, что все вернется на круги своя. Но оно не вернулось. И он вовремя бросил диссертацию, в которой доказывал преимущества враз сломанной экономической системы над той, которая резко и внезапно установилась в стране. И пошел работать на эту систему. Так он и стал буржуем. Не совсем настоящим. Настоящий буржуй все-таки не встает в семь утра, не работает по девять-десять часов. А Илья, Маришин папа, — встает и работает. И зарабатывает и себе на хорошую, безбедную жизнь, и своим детям. Детей у Ильи двое, Мариша и еще одна девочка, ей всего три года.

Когда Илье исполнилось сорок лет, он стал беспокойно оглядываться по сторонам. Знающие подруги говорили: «Потерпи, не переживай, это пройдет. Седина в бороду...» Всегда гладко выбритый и не собирающийся пока сесть мой муж стал меняться на глазах. Записался в тренажерный зал, стал одеваться ярко и небрежно, как двадцатилетний.

— Ты боишься стареть? — как-то не выдержала и спросила его я.

Прожив с мужчиной больше пятнадцати лет, утрачиваешь чувство страха его потерять, если оно когда-то у тебя было. У меня — и не было. Муж становится привычной бедой или привычной проблемой. Или, как было у меня, привычной, временами обременительной, но все же радостью.

— Я боюсь, что у меня больше в жизни ничего уже не будет, — неожиданно легко ответил мне Маришин папа. — Я с тобой развожусь.

— Ты дурак, что ли? — удивилась я. — В смысле «не будет»? В смысле — развожусь?

Представить, что когда-то мы можем развестись, мы, давно существующие как одно целое — вполне гармоничное и довольное собой целое, я не могла.

— Развожусь, значит, развожусь. Практически уже развелся. Я купил себе другую квартиру, эту оставляю вам с Маришей. Если бы ты так нагло меня о самом сокровенном не спросила, я бы еще подумал, а так — всё, привет, надоело! Собери мне чемодан... Или нет, я сам соберу.

Мариша, которая слышала конец нашего разговора, спустилась со второго этажа нашей удобной, современной, но немного странной квартиры, в которой было три большие комнаты и при этом два этажа. Марише тогда было девять лет. Пять

лет до ее рождения мы жили без детей, любя друг друга и мечтая о том, как у нас будет трое детей. Но родилась только Мариша, и как-то на этом всё остановилось.

Мариша съехала по перилам и подошла к своему отцу.

— Тебе надоело со мной жить? — спросила она.

— С тобой — нет. С твоей мамочкой немного надоело, — напряженно улыбаясь, ответил ее отец. — Вот тебе надоедают старые игрушки, правда? Ты что с ними делаешь?

— Иногда ноги отрываю, иногда голову... — неуверенно ответила маленькая Мариша.

— А что мы маме оторвем — ноги или голову?

Мариша, с детства обладающая хорошим чувством юмора, даже не улыбнулась в ответ, подошла ко мне и прислонилась головой к моему бедру.

— Ничего не надо маме отрывать, — трагически прошептала Мариша. — Я все поняла. Это как у Таньки было. Ты меня бросаешь. Я — твоя старая игрушка. Таньку тоже папа бросил. Потому что у него заиграл гормон.

Маришин папа метнул на меня острый взгляд.

— Научила ребенка?

— Чему? Ты что, издеваешься? Я первый раз слышу о твоих планах.

— Ты о моих планах раньше меня всегда всё знаешь, не надо!..

Я видела, что он хочет поссориться, и помогать ему не стала. За последнее время такое случилось несколько раз. Сначала я не понимала, что он ссорится, чтобы уйти из дома в выходные, но вот теперь, кажется, разобралась, что к чему. Поздновато только разобралась.

— Ты, Маришенька, — продолжил он, не подходя, однако, к Марише, — моя любимая девочка, и я тебя не бросаю. Я бросаю только твою маму, потому что она... — Илья задумался.

— Постарела, — подсказала я.

— Нет! Нет! Не выдумывай! Потому что ты... — Он наморщил лоб. — Не видишь во мне человека! Да. Унижаешь меня...

— Чем? — все-таки поддалась я.

— Всем! — обрадованно ответил тот, кого я привыкла считать своим человеком. — Всем, всем! Я одинок. Да, одинок. Меня здесь никто не понимает. И еще... — Илюша с сомнением посмотрел на меня и все-таки продолжил: — Ты корыстна. Да-да! Живешь со мной ради денег!

— Ну, ты свинья, Комолов, — не выдержала я.

— Вот! И ругаешься, как грузчик. У тебя ужасный характер. Маришка, я тебя люблю, — повернулся он к дочери, которая собралась плакать. Тогда еще Мариша умела плакать и даже по-детски иногда этим пользовалась. — Не плачь. Я буду брать тебя к себе на выходные. У меня

отличная новая квартира. Точнее, дом. Я купил дом! — победно объявил мне Илья. — Ты же хотела жить в доме с двумя собаками? И иметь сад? Вот, я буду так жить. Порадуйся за меня, добрая христианка!

— Да иди ты к черту! — возмутилась я.

— Вот, Мариша, видишь, почему я не смог жить с твоей матерью. Запоминай. Я очень рад, что этот разговор происходит совершенно случайно при тебе. Если у женщины плохой характер, ее бросают.

Я понимала, что он меня провоцирует, понимала, что надо сдержаться, не устраивать сцены, чтобы эта сцена не врезалась в память Марише... И сдержалась. Взяла себя в руки, улыбнулась, крепче прислонилась к дверному косяку, чтобы родная стенка меня поддержала, когда никто и ничто другое не может поддержать.

Илья вопросительно взглянул на меня. Убедился, что я отвечать ему не буду, подошел к Марише, обнял ее.

— Я тебя очень люблю и не бросаю. Повтори. Мариша молча освободилась от его рук.

— Ага, понятно. Ну ладно. Передумаешь, звони, дочка.

— Ей девять лет, — напомнила я. — Третье-классница. Обороты сбавь!

Маришин папа улыбнулся.